

РОЗДІЛ V

Наукові пошуки майбутніх соціологів

УДК 316.347

«Единство в многообразии» как социально-политическая технология: перспективы и ограничения применимости в украинском контексте

Евгений Катруха –
студент специальности
«Социология»,
Харьковский национальный
университет
имени В. Н. Каразина,
Харьков, Украина.

В статье рассматривается возможность применения схемы «единство в многообразии» к решению проблемы раскола в украинском обществе. Для этого была проанализирована актуализация данной схемы в социологическом и политическом дискурсе. В качестве главной линии раскола рассматриваются языковая проблема и ее причины в контексте государственной политики и национальной идеи, анализируется степень сконструированности данной проблемы. Относительно «единства в многообразии» делается вывод о том, что данная схема применима к обществам с одной доминирующей культурой и для украинского общества схема нуждается в адаптации и конкретизации, а также должна сопровождаться реальным законодательным закреплением автономии регионов. Для дальнейших исследований представляется актуальным поиск конкретных вариантов данной схемы применительно к специфическим реалиям украинского общества.

Received: April, 2016
1st Revision: May, 2016
Asseped: June, 2016

Ключевые слова: единство в многообразии, раскол, политическая модель нации, этническая модель нации, полиэтничность, культурное разнообразие.

Katrukha Evgeniy. «Unity in diversity» as a Socio-Political Technology: Perspectives and Limitations Applicable in the Context of the Ukrainian. The topic of the article is the inter-regional break-up in Ukrainian community which can primarily be seen at cultural and socio-political levels. According to the author, one of its main causes is the limitation of rights of Russian-speaking people of Eastern Ukraine as well as the repression and pushing Russian language out of educational and public spheres. There has been revealed the imbalance between the real correlation of Russian and Ukrainian languages in the society and the adopted policy of introduction Ukrainian culture into life, as well as the ignoring the protests of Russian-speaking population against this policy, which brings the author to the conclusion that this break-up is not artificial but a natural one.

As a possible solution of the problem there has been considered the "unity in diversity" scheme actualized in scientific and political discourse, which presumes that variety of cultures can be the foundation of unity of the country. The author has analyzed some scientific and journalistic articles which study the conception of unity in diversity. As a result, it has been revealed that this scheme is abstract and does not contain any mechanisms of its implementation. It has also been noticed that this scheme implies having cultural diversity around one main culture, which is not suitable for Ukrainian community that does not have this basic culture. Thus the author concludes that this scheme can be put into practice until after considerable improvement and specification which appears to be an urgent task for further research on this topic.

Key words: unity in diversity, break-up, political model of the nation, ethnic model of the nation, polyethnicity, cultural diversity.

Катруха Євгеній. «Єдність у розмаїтті» як соціально-політична технологія: перспективи та обмеження застосовності в українському контексті. У статті розглянуто можливість застосування схеми «єдність у розмаїтті» для розв'язання проблеми розколу в українському суспільстві. Для цього проаналізовано актуалізацію цієї схеми в соціологічному та політичному дискурсі. У якості головної лінії розколу розглянуто мовну проблему та її причини в контексті державної політики й національної ідеї, проаналізовано ступінь сконструйованості. Щодо «єдності в розмаїтті» зроблено висновок, що ця схема може бути впроваджена в суспільства з однією домінуючою культурою та для українського суспільства повинна бути адаптована й конкретизована, а також має супроводжуватися реальним законодавчим закріпленням автономії регіонів. Для подальших досліджень убачаємо актуальним пошук конкретних варіантів цієї схеми, придатних до специфічних реалій українського суспільства.

Ключові слова: єдність у розмаїтті, розкол, політична модель нації, етнічна модель нації, поліетнічність, культурне розмаїття.

Постановка наукової проблеми і її значення. В условиях тяжелого социально-политического кризиса, обостренного вооруженным конфликтом и растущей поляризацией населения, для украинского общества актуализируется вопрос о перспективах дальнейшего развития. Регионы Украины всегда различались по этническому составу, использованию языков, ценностям, оценке исторических персон и событий, конфессиональному составу и степени религиозности и т. д. Однако до последнего времени указанные различия не препятствовали относительно спокойному сосуществованию этих регионов в рамках одной страны. В социологическом и политическом дискурсе такие различия, как правило, назывались незначительными, непринципиальными, не препятствующими единству. Поэтому когда события февраля 2014 г. вылились в том числе в социальный раскол, он многими назван искусственным и сконструированным пророссийскими силами в целях заигрывания с электоратом и дестабилизации ситуации в восточных областях Украины [1, с. 29; 2, с. 181].

В настоящее время в социологическом дискурсе признается сам факт наличия раскола¹, но подчеркивается его искусственный характер и то, что он является результатом пропаганды [3, с. 186–187]. Одна из задач данной работы состоит в том, чтобы показать естественные предпосылки раскола между регионами Украины и продемонстрировать неэффективность «абсолютного» унитарного государственного устройства, оформляемого без учёта неоднородности и полиэтничности украинского общества. В этом смысле скорее нежизнеспособной (будучи оторванной от действительности) видится навязываемая политическими элитами концепция жесткого единства с центральным тезисом «ничто не разделяет Украину». Единство любой ценой, без учета региональных различий и предоставления регионам соответствующих прав, может лишь усилить социальный раскол, вызвать закономерное отторжение, прежде всего, у маргинализированного Востока. Вполне очевидно, что подобный подход направлен не на преодоление конфликтных отличий, а на их маскировку и замалчивание.

Одновременно со схемой «абсолютного» единства как в социологическом, так и в общественно-политическом дискурсе предлагается более мягкий вариант единства – «единство в многообразии», в рамках которого признается гетерогенность и поликультурность украинского общества и предусматривается предоставление возможностей для развития каждой нации и культуры в едином государстве. Такая схема сама по себе представляется более адаптированной под специфику украинского общества и может рассматриваться как возможность сгладить раскол; вместе с тем, она имеет и свои недостатки, является довольно абстрактной и размытой, требующей концептуального теоретического осмысления.

¹ Необходимо отметить, что важнейшим дискуссионным пунктом является уместность специальной терминологии, пригодной для социологического исследования описываемой проблемы. Так, предлагаются термины «раскол», «разлом», «разделённость»; в пользу каждого есть свои аргументы и контраргументы, анализ которых заслуживает отдельной статьи. Не вдаваясь в излишние подробности, укажем, что термин «раскол» представляется нам наиболее уместным с точки зрения задач конкретной статьи, поскольку в ней исследуется ситуация максимального социального напряжения (о котором говорят и боевые действия в восточной части, и уровень гражданского насилия, заметно повысившийся ещё в период Евромайдана). Такая ситуация требует и соответствующего термина, фиксирующего некий социальный экстремум. Таковым представляется нам термин «социальный раскол», в который мы вкладываем и традицию С. Липсета – С. Роккана. В то же время следует уточнить, что нами термин «раскол» употребляется без подразумеваемой необратимости, каковая делала бы бессмысленным само наше исследование.

Таким образом, **цель** данной работы состоит, с одной стороны, в анализе природы и предпосылок социального раскола украинского общества, с другой – в операционализации формулы «единства в многообразии» и попытке приложить данную формулу к реалиям украинского общества. Актуальность такого анализа обусловлена глубиной современных социальных и социально-политических противоречий и расколов в Украине, а также недостаточной разработанностью данной темы. Тема социального раскола скорее деактуализирована в отечественном научном дискурсе по идеологическим причинам; в редких исключениях раскол подается преимущественно как результат конструирования.

Гипотезы: 1) раскол имеет естественный характер и не является результатом конструирования; 2) в том виде, в котором обычно предлагается схема «единство в многообразии», она отличается от жесткой схемы единства лишь внешне; содержательно эта схема скорее маскирует раскол и переводит фокус внимания с важных проблем на незначительные, имитируя «компромиссное» решение для Запада и Востока Украины, но не предлагая реальный способ смягчения социального и социально-политического раскола.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Подчеркнем, что «межрегиональные различия» и «раскол» – понятия не тождественные, хоть и близкие. Языковые, культурные, этнические, религиозные, идеологические, мировоззренческие различия между регионами сами по себе не являются расколом. Но будучи осознаваемыми, признанными представителями регионов значимыми и одновременно игнорируемыми в рамках государственной политики эти различия приводят к межрегиональным противоречиям и расколам.

Раскол между регионами возник не сразу, он образовывался постепенно в результате унифицирующей политики государства, стремления подвести различия под общий знаменатель – не компромиссный, а односторонний. На наш взгляд, к усугублению раскола привело и подспудное выстраивание иерархии между полярными регионами: один из них подаётся как «культурный» и «просвещенный», населенный «этнически правильными» гражданами, тогда как другой представляется «пролетарским», населенным «несознательными» гражданами с патерналистскими установками, сохраняющими советские страхи и советское мышление [4, с. 208].

Одной из главных линий разделения является проблема статуса и границ функционирования русского языка в Украине. Данная проблема тесно связана с политикой нациестроительства, которая у нас опирается на этнический принцип. В научном дискурсе нередко происходит неоправданное смешение понятий «нация» и «этнос» [2, с. 183; 5]. Делается ставка на примордиализм и этническую модель нации, хотя по историко-культурным и социоструктурным параметрам для украинского полиэтнического общества более пригодна конструктивистская парадигма, в рамках которой нация представляет собой политико-культурную и надэтническую общность, может включать в себя представителей разных этносов на основе личной самоидентификации. На практике отождествление нации и этноса приводит к тому, что 75–80 % респондентов, которые в различных опросах выбирают национальность «украинец», автоматически причисляются не только к украинской нации, но и к украинскому этносу, что отчасти легитимизирует языковую политику с приданием русскому языку статуса языка меньшинства, хотя жители восточных областей при ответе на данный вопрос понимают нацию в гражданском смысле [6, с. 102] и не подразумевают свою принадлежность к украинскому этносу.

Можно встретить ссылки на перепись населения и некоторые социологические опросы, где респондентов спрашивают о родном языке [7, с. 108]. Мы считаем, что более корректно использовать показатели реального использования языков, поскольку под «родным» можно понимать как «первый усвоенный в детстве» или язык «повседневного общения», так и язык нации, к которой себя причисляешь. По данным Института социологии Украины, фиксировалось равенство групп украино- и русскоязычных граждан [8, с. 487]. Так, в 2013 г. преимущественно на украинском говорили 38,7 %, на русском – 37,9 %. Данные по региональному распределению, представленные в монографии А. Вишняка, подтверждают, что в Украине в целом наблюдается паритет в использовании двух языков, а региональный срез показывает зеркальную картину: практически полностью украиноязычный Запад, преимущественно украиноязычный Центр и Северный Восток, преимущественно русскоязычный Юг и Южный Восток, практически полностью русскоязычные Донбасс и Крым [9, с. 39]. Такая ситуация не позволяет считать социологически обоснованным принцип «единственного государственного языка», заложенный в Конституции и в значительной

степени обуславливающий постепенное вытеснение русского языка из большинства социальных сфер². Наблюдается несоответствие между проводимой языковой политикой и реальной картиной использования языков, а также социальным запросом, который иллюстрировался митингами с требованием придать русскому языку статус государственного в Донецке, Луганске, Одессе, проводившихся как после событий февраля 2014 г., так и до 2013 г.³

Описанная политика обострила региональные языковые различия, способствуя их перерастанию в раскол. Вместе с тем, в социологическом дискурсе языковая проблема часто отрицается и либо называется несуществующей и сконструированной политиками [1, с. 29; 5, с. 191–192; 12, с. 64; 13], либо (реже) подается как проблема не русского, а украинского языка [13; 14]. Однако инструментальное использование проблемы и её конструирование – разные вещи⁴. Точно так же неуместны и ссылки на невысокий рейтинг проблемы русского языка в социологических опросах [9, с. 103–105; 15, с. 285], поскольку в этом случае мы имеем дело с несовершенством методики⁵.

Учитывая вышесказанное, мы делаем вывод о том, что языковая проблема в Украине действительно существует: из межрегиональных различий в использовании языков она превратилась (вследствие унифицирующей политики прямолинейной украинизации) в одну из ключевых линий раскола. Данная проблема хоть и использовалась политиками в инструментальных целях⁶, не может быть сведена к сконструированности. Корни данного раскола лежат в декларируемой современным Украинском государством национальной идее, которая парадоксальным образом сочетает в себе признание полиэтничности украинского общества и положение о том, что какой-либо официальный статус русского языка является категорическим препятствием для консолидации нации [17]. Такая национальная идея, в рамках которой ядром общества должна выступать построенная по этническому принципу украинская нация, с учетом сильных межрегиональных различий только разъединяет общество, делит страну на «правильные» и «неправильные» регионы. Раскол, безусловно, не ограничивается языковой сферой, однако наиболее ярко выражается именно в ней, поскольку языковая проблема проявляется не только на символическом уровне, но и на уровне практическом, создавая трудности для населения условного «Юго-Востока»⁷ Украины. Однако из этого не следует незначимость культурного, политического, мировоззренческого расколов.

² Уже на 2010 г. количество русскоязычных школ и классов снизилось с 54 до 17,7 % [10], значительно уменьшается количество русскоязычных классов в Донецкой, Луганской и Харьковской областях [11]. Высшее образование официально функционирует только на украинском языке.

³ В частности, митинги в Донецке в 2012 (см.: <http://fakty.ictv.ua/ru/index/read-news/id/1458271>) и 2014 гг. (см.: http://society.lb.ua/accidents/2014/03/15/259500_donetske_miting_federalizatsiyu.html), в Луганске в 2012. (см.: <http://v-variant.com.ua/region/45673-v-luganske-mitingovali-za-russkiy-yazyk.html>) и 2014 гг. (см.: <http://fakty.ictv.ua/ru/index/read-news/id/1506332>), в Одессе в 2014 г. (см.: <http://nedelya-ua.com/news/v-odesse-prohodit-miting-v-podderzhku-russkogo-yazyka-foto>).

⁴ Например, в предвыборных кампаниях используются в инструментальных целях разнообразные реально существующие проблемы – коррупция, экономический кризис, высокие тарифы на газ и электричество, бедность (вопрос бедности часто проблематизируется в инструментальных целях [16], но из этого же не следует, что такая проблема отсутствует или является «сконструированной») и т. д.

⁵ Если в списке предложенных проблем есть такие пункты, как безопасность родных и близких, здоровье, экономический кризис, высокие цены и т. д., то неудивительно, что среди них языковая проблема стоит не на первых местах, это проблемы разных порядков. Безусловно, проблема русского языка не является в абсолютном или экзистенциальном измерении наиважнейшей, но она принципиально отличается от тех проблем, которые люди выбирают в числе более актуальных. К языковому неравенству привели не неконтролируемые процессы, а именно политика государства. Разрешение языкового вопроса полностью лежит в сфере возможностей и желания власти. Поэтому проблемы, стоящие в таких списках более высоко, не обязательно вызывают столь острое недовольство: ведь этим проблемам власть пытается (хотя бы номинально) противостоять, в то время как языковая политика является её принципиальной (что вовсе не означает – «мотивированной» и «аргументированной») позицией.

⁶ Сделаем ещё раз оговорку: акцент на негативном воздействии вульгарной украинизации языковой сферы никак не отменяет ни использования и намеренного нагнетания этой проблемы номинально «пророссийскими» политиками и различными общественно-политическими группами и структурами, а также СМИ.

⁷ Условность регионального деления Украины – тема для отдельной статьи. Здесь лишь отметим, что противоречия и расколы, безусловно, не сводятся к давно распространённым штампам политического и публицистического дискурсов, таким как «Юго-Восток» или «Западная Украина».

Население различных регионов Украины имеет разные ценности (например, индивидуализм – коллективизм), предпочитают разные праздники в качестве главных, различаются по религии и самой степени религиозности, принципиально по-разному оценивают исторические события и исторических личностей, устойчиво различаются по электоральным предпочтениям и геополитическим ориентациям [18, с. 147–148]. Учитывая такую гетерогенность общества и столь сильные различия, унитаризм и попытка унифицировать указанные различия, поставив в ранг эталона один из условных регионов, закономерно дали эффект, обратный объединительному, спровоцировав раскол и поляризовав и без того разные регионы.

В этой связи в качестве альтернативы жесткому единству с начала 2000-х годов стала предлагаться схема «единства в многообразии». Несмотря на то, что раскол уже произошел, рассмотрение данной схемы не теряет своей актуальности как с точки зрения внедрения данной схемы в жизнь в качестве своеобразного «лекарства от раскола», так и в научных целях как попытка операционализировать данную формулу и приложить её не только на сегодняшнее разделенное общество, но и на общество до окончательного раскола, чтобы понять, каким путем должно было идти государство для того, чтобы не произошел раскол.

Указанной схеме сложно дать однозначное определение, поскольку в разных источниках в нее вкладывается разный смысл. В самых общих чертах под «единством в многообразии» понимается мирное и гармоничное сосуществование разных культур в рамках одной страны. А единство при этом достигается за счёт разнообразия культурных форм, взаимодополнения культур, взаимоуважения между представителями разных культур. Главная цель этой схемы в чистом виде – не допустить поглощения одной культурой всех остальных, сохранить уникальные самобытные культурные образцы, не дать им распылиться под влиянием глобализации. Данная схема достаточно подробно освещается в статье Л. Беловой и О. Алферовой [19]. Авторы указывают на сложность её применения – она требует «культурной компетентности», то есть способности понимать и принимать чужую культуру. Учитывая глубину сегодняшнего раскола, указанная сложность представляется практически непреодолимой. В 2006 г., когда раскол был не настолько выраженным, И. Ф. Кононов, предлагая схему «единство в многообразии» как единственно возможный вариант сохранения единства между различными регионами Украины, говорил о необходимости компромисса между наиболее конфронтационными регионами: условный Запад должен уступить в языковом вопросе, условный Восток – в вопросе трактовки истории и роли в ней УПА [20, с. 286]. Как показала практика, такого компромисса между регионами не произошло, раскол только обострился, а политика была направлена в обоих вопросах скорее в пользу условного Запада. Однако, на наш взгляд, даже без учета такой политики компромисс едва ли мог быть достигнут без предоставления регионам определённой степени политической и культурной автономии.

В настоящий момент в Украине действует молодежная организация «Молодіжна альтернатива» [21], которая активно продвигает идею «единства в многообразии». Данная организация постулирует категорическую необходимость наличия в стране национальной идеи, при этом такой идеей выступает идея единства (попутно постулируются тезисы о том, что страну мало что разъединяет), которое заключается в разнообразии нации. На первый взгляд, эта схема принципиально противоположна варианту единства с прямолинейной украинизацией и акцентом на титульную нацию. Разнообразие языков, традиций, культур и исторического прошлого называется богатством нации, права человека ставятся во главу угла, а государству вменяется в обязанность обеспечение равных условий для всех граждан в языковом вопросе. Заметим, во-первых, что о конкретных мерах по оформлению единства в многообразии ничего не говорится – подразумевается, что единство в многообразии будет обеспечиваться за счет взаимной толерантности между представителями полярных регионов, без предоставления им автономии; во-вторых, в пункте о равенстве языков русский язык ставится в один ряд с «английским, французским и другими языками, которые граждане считают родными и хотят усвоить», то есть уравнивается с языками меньшинств без учёта реальной языковой статистики.

И здесь, и в других источниках концепция «единства в многообразии» не подразумевает равнозначности культур. Единство в многообразии – это единство между центральной, основной культурой и множеством культур меньшинств. Однако в Украине проблема взаимоотношений между культурами лежит не в плоскости отношений между титульной нацией и национальными меньшинствами. Данная схема пригодна там, где существует проблема сохранения мелких культур

вокруг одной доминирующей; в Украине же де-факто сосуществуют две большие культуры, ни одна из которых не попадает под определение меньшинства. В статье В. Б. Евтуха [5] говорится о том, что в стране должна сохраняться полиэтничность и поликультурность вокруг украинского этноса (к которому относятся все, кто причисляет себя к нации украинцев), при этом звучит тезис о консолидации украинского общества на многоэтнической и многокультурной основе с помощью межэтнической солидарности. Этот пример показывает, что под многообразием в анализируемой схеме подразумевается многообразие культур меньшинств вокруг лишь одной доминирующей культуры, и вся проблема сводится к взаимоотношениям титульной нации и национальных меньшинств. Кроме того, наряду с тезисом о единстве в многообразии здесь говорится о необходимости продолжать политику украинизации, что фактически уравнивает рассматриваемую схему с концепцией жесткого единства. В этом, на наш взгляд, заключается маскировка: за разговорами о многообразии и правах всех культур скрывается тот же «унифицирующий посыл», что и в концепции жесткого единства.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Итак, межрегиональный раскол не является результатом конструирования, он имеет естественные предпосылки в виде игнорируемых государственной политикой региональных различий и попыткой эти различия нивелировать, но не на компромиссной основе. Схема «единство в многообразии» в том виде, в котором она предлагается к реализации, при всей внешней стройности имеет ряд недостатков:

- 1) является размытой и неконкретной, не имеет четкого определения и в обосновании содержит лишь общие моменты, не вдаваясь в механизмы реализации;
- 2) предполагает сохранение унитарного государственного устройства или не оговаривает этот момент;
- 3) предполагает поддержание культурного разнообразия вокруг центральной, главенствующей культуры, тогда как остальные культуры рассматриваются как меньшинства.

Последний недостаток делает данную схему своего рода маскировкой – он отводит фокус внимания с проблемы «неоднородности большинства» к проблеме взаимоотношений большинства и меньшинства, хотя в украинском обществе вообще сложно вычленить это большинство. Поэтому данная схема (по крайней мере, в таком виде) слабо применима к украинскому обществу. «Единство в многообразии» может быть реализовано в том случае, если под многообразием будет пониматься равноправие нескольких основных культур с предоставлением широких прав культурам меньшинств (вместо одной культуры и меньшинств), если нация будет строиться по политическому, а не этническому принципу и, наконец, если механизмом реализации схемы будет законодательное закрепление прав каждой культуры на фоне реальной децентрализации.

Наконец, отметим, что в перспективе разработка данной темы позволит сформулировать конкретные практические рекомендации как для государственных структур, так и для различных представителей гражданского общества, таких как СМИ и общественно-политические движения.

Источники и литература

1. Малес Л. В. Моральні паніки як маніпуляції зі зниклим та знищеним розмаїття / Л. В. Малес // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2014. – Вип. 20. – С. 26–30.
2. Галіч Т. О. Простір національних ідентичностей в Україні: траєкторії формування та відтворення (методологія та методика дослідження) / Т. О. Галіч, О. З. Гудзенко, Р. О. Савчинський, Г. М. Саппа // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2010. – Вип. 16. – С. 180–185.
3. Демчук С. Функціонування стереотипів щодо відмінностей регіональних спільнот сучасної України / С. Демчук, Ю. Кілей, Д. Коваленко, І. Крапива, О. Пітенко // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2010. – Вип. 16. – С. 186–189.
4. Резнік О. С. Добровольчі об'єднання як основа інтеграційних процесів в Україні / О. С. Резнік // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2014. – Вип. 20. – С. 207–211.
5. Євтух В. Б. Тенденції етнонаціональної динаміки українського суспільства (1990-і рр.–2010 р.) / В. Б. Євтух // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2010. – Вип. 16. – С. 186–193.
6. Черниш Н. Й. Ідентичності в сучасній Україні та стратегії їхнього вивчення / Н. Й. Черниш // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. – 2011. – № 941. – С. 100–110.
7. Красносілецький Д. П. Розв'язання мовного питання сучасної України за умови «російського чинника» / Д. П. Красносілецький // Грані. – 2014. – № 9. – С. 107–112.

8. Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2013. – 566 с.
9. Вишняк О. Мовна ситуація та статус мов в Україні: динаміка, проблеми, перспективи (соціологічний аналіз). – К. : Ін-т соціології НАН України, 2009. – 176 с.
10. Русский язык в Украине – без эмоций [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://gazeta.zn.ua/EDUCATION/russkiy_yazyk_v_ukraine_bez_emotsiy.html
11. Язык из Киева уведет: украинизация на Востоке [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://rusplt.ru/world/ukrainskiy-yazik-9782.html>
12. Климанська Л. Д. Типи конструювання соціальних проблем у політичному дискурсі / Л. Д. Климанська, М. Д. Малахівська // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2010. – С. 63–66.
13. Климанська Л. Д. Фреймінг мовного питання в Україні: технологія проблематизації / Л. Д. Климанська // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2012. – Вип. 18. – С. 290–295.
14. Куртсеітов Р. Д. Вивчення рідної мови й навчання нею в системі освіти автономної республіки Крим: стан, проблеми, тенденції розвитку / Р. Д. Куртсеітов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. – 2011. – № 941. – С. 266–269.
15. Мовна ситуація в Україні: між конфліктом і консенсусом. – К. : ІПЕНД ім. І. Ф. Курбаса НАН України, 2008. – 398 с.
16. Бойко І. І. Дискурсивні стратегії конструювання проблеми бідності / І. І. Бойко // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2012. – Вип. 18. – С. 319–330.
17. Савойська С. Українська національна ідея в мовно-комунікативному контексті консолідації поліетнічного соціуму [Електронний ресурс]. – 2013. – Режим доступу : <http://www.viche.info/journal/3723/>
18. Litovchenko A. Preconditions for regional divisions in Ukraine and the global implications of the Ukrainian crisis / A. Litovchenko, O. Muradyan // Uluslararası Politikada Ukrayna Krizi. – Istanbul, 2014. – P. 37–113.
19. Белова Л. О. Культурне розмаїття чи уніфікація культур: що обере людство? / Л. О. Белова, О. С. Алфьорова // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2014. – Вип. 20. – С. 300–303.
20. Кононов І. Ф. Донбасс и Галичина: межрегиональное взаимодействие и изменение пространственных характеристик украинского общества / И. Ф. Кононов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2006. – Вип. 12. – С. 276–288.
21. Єдність нації – національна ідея України [Електронний ресурс]. – 2011. – Режим доступу : http://www.ya.org.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=1242:2012-04-12-09-11-45&catid=40:2010-08-29-07-09-53&Itemid=128

References

1. Males, L. V. (2014), Moral Panic as the Manipulation of the Disappeared and the Destruction of Diversity, *Methodology, theory and practice of sociological analyze of contemporary society*, Issue 20, Pp. 26–30.
2. Galich, T. O., Gudzenko, O. Z., Savchinsky, R.O., Sappa H. M. (2010), The space of national identity in Ukraine: the trajectories of the formation and reproduction (methodology and method of research), *Methodology, theory and practice of sociological analyze of contemporary society*, Issue 16, Pp. 180–185.
3. Demchuk, S., Kiley, Yu, Kovalenko, D., Krapyva, I., Pitenko, O. (2010), “The functioning of the stereotypes about the differences between regional communities in Ukraine”, *Methodology, theory and practice of sociological analyze of contemporary society*, Issue 16, Pp. 186–189.
4. Rezyk, O. S. (2014), Volunteer Associations as a Basis of Integration Processes in Ukraine, *Methodology, theory and practice of sociological analyze of contemporary society*, Issue 20, Pp. 207–211.
5. Yevtuh, V. B. (2010), “Trends ethno-national dynamics of the Ukrainian society (1990–2010)”, *Methodology, theory and practice of sociological analyze of contemporary society*, Issue 16, Pp. 186–193.
6. Chernysh, N. Y. (2011), “Identities in modern Ukraine and strategies of their study”, *Bulletin of Kharkiv V. N. Karazin National University. Sociological studies of contemporary society: methodology, theory, methods*, No. 941, Pp. 100–110.
7. Krasnosilecky, D. P. (2014), “The solution of the language problem in modern Ukraine subject to the Russian factor”, *Grani*, No. 9, Pp. 107–112.
8. *Ukrainian Society 1992–2013. State and the dynamics of change. Sociological monitoring* (2013), Kyiv : Institute of Sociology, NAS of Ukraine, 566 p.
9. Vishnyak, O. (2009), “The language situation and the status of languages in Ukraine: dynamics, problems and perspectives (sociological analysis)”, Kyiv : Institute of Sociology, NAS of Ukraine, 176 p.
10. “Russian language in Ukraine – with no emotion” (2010), http://gazeta.zn.ua/EDUCATION/russkiy_yazyk_v_ukraine_bez_emotsiy.html
11. “Language will withdraw from Kiev: Ukrainization in the East” (2014), <http://rusplt.ru/world/ukrainskiy-yazik-9782.html>

12. Klymanska, L. D. (2010), "Types of construction of social problems in the political discourse", *Methodology, theory and practice of sociological analyze of contemporary society*, Issue 16, Pp. 63–66.
13. Klymanska, L. D. (2012), "Framing the language problem in Ukraine: problematization technology", *Methodology, theory and practice of sociological analyze of contemporary society*, Issue 18, Pp. 290–295.
14. Kurtseitov, R. D. (2011), "The study of the native language and teaching it in the education system of the Autonomous Republic of Crimea: state, problems and trends", *Bulletin of Kharkov V. N. Karazin National University. Sociological studies of contemporary society: methodology, theory, methods*, No. 941, Pp. 266–269.
15. "The language situation in Ukraine: between conflict and consensus" (2008), Kyiv : Kuras Institute of political and ethnic studies, NAS of Ukraine, 398 p.
16. Boyko, I. I. (2012), "Discourse strategies of constructing a poverty problem", *Methodology, theory and practice of sociological analyze of contemporary society*, Issue 18, Pp. 319–330.
17. Savoyksa, S. (2013), "Ukrainian national idea in lingvo-communicative context of the consolidation of multi-ethnic society", <http://www.viche.info/journal/3723/>
18. Litovchenko, A., Muradyan, O. (2014), Preconditions for regional divisions in Ukraine and the global implications of the Ukrainian crisis, *Uluslararası Politikada Ukrayna Krizi*, Istanbul, Pp. 37–113.
19. Belova, L., Alfeyorova, O. (2014), Cultural Diversity and Unification of Cultures: What Humanity Will Choose?, *Methodology, theory and practice of sociological analyze of contemporary society*, Issue 20, Pp. 300–303.
20. Kononov, I. F. (2006), "Donbass and Galicia: interregional cooperation and the change of the spatial characteristics of the Ukrainian society", *Methodology, theory and practice of sociological analyze of contemporary society*, Issue 12, Pp. 276–288.
21. "The unity of the nation – the national idea of Ukraine" (2011), http://www.ya.org.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=1242:2012-04-12-09-11-45&catid=40:2010-08-29-07-09-53&Itemid=128

УДК 316.346.2-055.2

Образ жінки в сучасному українському місті: історична трансформація

Яна Мелешко –

студентка спеціальності

«Соціологія»,

Київський національний

університет імені Тараса

Шевченка, Київ, Україна.

E-mail:

meleshko1996meleshko@gmail.com

Незважаючи на все більшу емансипацію та фемінізацію українського суспільства, образ жінки в ньому є неоднозначним і суперечливим. Відтак мета статті – охарактеризувати образ жінки на соціальній сцені сучасного українського міста. Оскільки проблема соціальної інклюзії жінки в житті міста з'явилася ледве не з виникненням містобудування, то в статті проаналізовано історичну трансформацію образу жінки в місті, де сповідують християнство як основну релігію. Образ жінки історично змінюється разом зі зміною ролі церкви в соціумі. Разом із секуляризацією церковних догм жінка повертає собі право на володіння своїм тілом і життям. У статті досліджено трансформацію образу тіла, особливо жіночого, в архітектурі міста. У тексті здійснено аналіз впливу значущих історичних подій та культурних течій на формування образу жінки в сучасному українському місті, що, зрештою, дає змогу пояснити чому вона в українському місті постає саме так, а не інакше.

Received: March, 2016

1st Revision: April, 2016

Accepted: May, 2016

Ключові слова: body image, соціальна інклюзія, соціальна дискримінація, архітектурна репрезентація тіла.

Meleshko Yana. Image of Woman in Ukrainian Modern City: Historical Transformation. The essay is dedicated to the image of woman at the symbolic space of the modern Ukrainian city. Woman is presented quite controversially within social urban space. Despite of gender equality, which is claimed to be implemented into modern society, woman is still discriminated and alienated from her spiritual essence. Woman is excluded not only from symbolic space, but from process of creation of social space, in term of architecture. This image is viewed as historically determined construct. Thus, transformation of women's image and her place within symbolic urban space